

Павел Мельников-Печерский

Дедушка Поликарп

*Часть сборника
Княжна Тараканова и принцесса
Владимирская (сборник)*

Павел Иванович Мельников-Печерский

Дедушка Поликарп

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377485

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Приехавши на Валковскую станцию, вышел я из тарантаса, велел закладывать лошадей, а сам пошел пешком вперед по дороге. За околицей, у ветряной мельницы, сидел старик на завалинке. На солнышке лапотки плел. Я подошел к нему, завел разговор. То был крестьянин деревни Валков, отец старого мельника, все его звали дедушкой Поликарпом. Сколько ему лет – никто не знал, и сам он не помнил. Одно только сказывал, что нес тягло еще в ту пору, как «царица Катерина землю держала». Крепко жаловался старина на нынешние времена, звал их «останными», потому-де, что восьмая тысяча лет в доходе и антихрист во Египетской стране народился...»

Содержание

Павел Иванович Мельников-Печерский Дедушка Поликарп

Приехавши на Валковскую станцию, вышел я из таранта-са, велел закладывать лошадей, а сам пошел пешком вперед по дороге. За околицей, у ветряной мельницы, сидел старик на завалинке. На солнышке лапотки плел. Я подошел к нему, завел разговор. То был крестьянин деревни Валков, отец старого мельника, все его звали дедушкой Поликарпом.

Сколько ему лет – никто не знал, и сам он не помнил. Одно только сказывал, что нес тягло еще в ту пору, как «царица Катерина землю держала». Крепко жаловался старина на нынешние времена, звал их «останными», потому-де, что восьмая тысяча лет в доходе и антихрист во Египетской стране родился. Слово за слово, разговорились мы с дедушкой.

– Что, – спросил я его, – много ль помолу на мельнице-то?

– Какой помол, родименький! Какой помол! Наши места бесхлебные. У нас, кормилец, по всей волости хлеб-от плохо родится. Каков ни будь урожай, доле Святой своего хлеба не хватит; иной год с Тимофея-полузимника¹ на базаре покупаем.

– Земли-то у вас, кажется, довольно.

¹ Двадцать второе января. (Прим. автора.)

– Эх, родименький, какая земля по нашим местам! Много ее, да пути-то нет. И велико поле, да не родимо. Погляди, какова земля-то: лес да песок, болота да мочажины... Какой у нас хлеб?.. Земля же холодная: овсы иной год уродятся, ну и льны тоже, а рожь завсегда плоха бывает. А ежели насчет пшеницы аль проса, так этих хлебов у нас и в заведении нет, семена погубить, ежели посеять. Гречей тоже мало займутся, для того, что каждый год морозами ее, сердечную, бьет. Такие уж наши места!

– А в старину как бывало?

– Как можно в старину! В старину все лучше было, на что ни взглянешь, все лучше было. И люди были здоровее, хворых да тщедушных, кажись, и вовсе не бывало в стары-то годы. И все было дешево, и народ-от был проще, родимый ты мой. А урожаи в стары годы и по нашим местам бывали хорошие. Все благодарили создателя. У мужичка, бывало, года по два да по три немолочный хлеб в одоньях стоит... А в нынешни останны времена не то... Обьезжай ты, родимый, все наши места: и Заузоле, и Ячменскую волость, и Лыковщину, и Жары, нигде ты единого одонья не увидишь, чтобы про запас заготовлен был. В стары-то годы, родименький, «кули ж к и»² жгли, на них рожь-то, бывало, сам-восемь да сам-десять... А в нонешни года кулижек жечь не велят – лесные завелись, полесовные. От этих от самых лесных кулижка

² Кулига – то же, что валки, чища, чищоба, огнище – расчищенный, выкорчеванный и выжженный под пашню лес.

теперь в такую цену станет, что палить ее уж и не из чего... А бывало, в старину-то, в летнюю пору, перед Ильиным днем, куда ни поглядишь – там из лесу дымок, в другом месте, в третьем... Иной раз местах в десяти разом горит... А нынче не велят, запрет положон.

– Что ж это за кулиги такие, дедушка, для чего они?

– А пилины, ли, родной... Пойдет, бывало, мужик в лес, свалит ельнику, сколько ему надо, да, сваливши деревья, корни-то выроет, а потом все и спалит. А чтоб землю-то по-лучше разрыхлить, по весне-то на огнище репы насеет. А к третьему Спасу³ хлебцем засеет. Землица-то божья безо всякого удобренья такой урожай даст, что господа только благодарить... Сам-восемь, сам-десять урожай-от бывал. А теперь не то, – с глубоким вздохом прибавил дедушка, – теперь не велят кулижек палить.

– Да нельзя же, дедушка, волю над лесом дать. Пожжешь его без толку, так после не то что на отопку, на лучину ничего не останется.

– Вестимо, родименький! Известно дело, мужику нельзя в лесу воли дать... Как можно! всякое запрещение для порядков делается. Только земля-то у нас уж больно скудна, без навоженья ничего не родит. Такие уж наши места! Семена надо сгубить, коль хорошенько не унавозишь полосу. А на кулижках-то и без навозу хлебец родился. Так-то оно и хорошо было.

³ Шестнадцатое августа.

– Что ж вы лучше не навозите землю-то? Навозьте ее больше.

– Вестимо так, родимый, землю по нашим местам как можно больше надо навозить. Какого хлеба с нее без навоза взять? Без навозу никак нельзя... Только скотинка-то у нас больно плохонька. Вот что, кормилец!.. Уж куда с нашими коровенками землю удобрять как следует!.. Никак невозможно... Посмотри-ка ты, какая по нашим местам скотина? Сама лядащая, именно, как пословица молвится: «коровенка меньше котенка». Слава только одна, что скотина. Вон на Горах⁴ скотина хорошая, крупная: каждая корова барыней смотрит, оттого там и хлеб родится хорош. А у нас что? Места уж такие у нас.

– Так заведите хорошую скотину.

– Известно дело, родименький, что от хорошей скотины больше навозу... Это так, это ты истинну правду молвил... А нам без удобрения никак невозможно... Вот начальники-то наши, дай им бог многолетно здравствовать, хермы⁵ тоже у нас завели и скота хорошего пригнали на них... Такой славный скот, что любо-дорого посмотреть. И мужичкам было хотели давать на племя такую скотину, строгостью даже приказывали разбирать ее по дворам безданно-беспошлинно... Дай бог им здоровья, господам начальникам... Уж такое они

⁴ На Горах – значит, на правой стороне Волги. «Нагорные» – жители правой стороны Поволжья.

⁵ Фермы.

об нас глупых попечение принимают, что сказать нельзя. И не стоим мы таких милостей. Право слово, не стоим.

– Нарасхват, чай, разобрали жалованных-то коров?

– Как возможно, родимый? Нам ли такую скотину держать?.. Нет, нечего бога гневить, помиловало начальство: ни единой коровки не дали... Всей волостью поклонились тогда мужички управляющему, почему там с души пришлось, поблагодарствовали... Дал господь – откупились. Помиловали начальники, дай бог им, нашим добродеем, здоровья – не роздали коровушек. Прописали, где следует: «желающих не оказалось».

– Как же так, дедушка? Даром такое добро вам давали, а вы не брали? Что ж это значит?

– А то значит, родимый, что уж такие у нас места... Место месту ведь рознь. Начальники-то наши, известно дело, каждому человеку добра хотят, однако ихне добро в ином месте впрямь добром выйдет, только надобно будет бога вечно молить за него, а в ином, может, и неподалеку где-нибудь, от того добра мужик-от волком взвояет... Земля-то наша свято-русская больно уж велика стала, кормилец: с одного-то места ее не обозришь... Вот, примерно сказать, про казенну скотину мы с тобой калякали: по здешним местам наши лядащие коровенки не в пример способней крупного скота. А каких-нибудь за тридцать верст, хоть у нагорных, крупна скотина – истинно бесценное сокровище. У нас ведь по всем нашим местам поемных лугов вовсе нет, и пожней-то, сен-

ных – то, значит, покосов маловато. По плантам и много, да в наличии не предвидится... Да и что за покосы? Белоус, да осока, да донник – и все тут. На что наши коровенки, и те по раменям пасутся, а сыты не бывают, зимой стоят на соломе, для того, что посыпки-то взять негде, и на свой-от обиход хлебушко с базару покупаем... Ну, от такого корму не диви, что здешняя скотина – кожа да кости. По этому по самому крупному скоту у нас и невозможно быть: зимним делом и сам голодом насидишься и жалованну корову сморишь; а летом где ее пасти? У нас по покосам да по раменям: собашник, болиголов, лютик, бешеница, молочай, жабник⁶. Ну как казенна-то корова да нахватается этой дряни, с голодухи-то? Вези под овраг да принимай от начальства остуду, не умелде, мошенник, жалованной скотины соблюсти. И то сказать, в способных-то местах не хитро дело мужику казенну корову во двор взять, да хитрое дело держать ее. Дадут тебе корову и надзор приставят к ней. Зачнут к мужику наезжать, понаведаться: здоровенько ли, мол, жалованна-то коровушка поживает, держит ли хозяин ее в тепле да в холе. А ведь сам ты, родименький, знаешь, что наезд-от начальства из мошны деньги волочит: и курочку ему заколи, и говядинки купи, и калачика, а по питейной части, окромя простого, виноградненького потребуется. По этому по самому, родимый, мужички

⁶ Собашник – *Synoglossum officinale*; болиголов – *Chauronyllum*; лютик – *Aconitum*, бешеница – *Cicuta virosa*; молочай – *Euphorbium palustre*; жабник – *Ranunculus bulbosus* – травы более или менее ядовитые.

наши от казенного скота и откупились, для того, что жалованна-то корова не в пример дороже купленной обойдется. Нет, на что уж нам хороши коровы?.. Нам бы вот кулижки позволили, век бы стали бога благодарить.

– Сам же ты, дедушка, сказал, что кулижки лес губят и что запрет на них положен ради порядков.

– Вестимо, родименький. Знамо дело, для порядков. Как же нам жить без порядков?.. Никак нельзя... Примером сказать, хоть об лесе, нельзя не молвить, что губленье губленью розь... Сам посуди, кормилец, какое губленье лесу от кулижки? Много ли места под нее надоть?.. И то сказать – лес-от на кулижки палят ведь не строевой, не дровяной, а больше все заборник да прясельник. А заборнику да прясельнику по нашим местам такое место, что, как ты его ни руби, он из земли так и лезет, ровно прет его оттуда кто.

– Дедушка! да ведь от прясельника и хороший лес загорится. Тогда что?

– А как ему загореться-то, родимый?.. Хорошему-то лесу? Лесной-от пожар по низу не ходит, верхом все. А кулижку-то прежде повалят да потом зажгут – она и горит низом, по верху ходу ей нет.

– Как же можно попусту лес губить? Жечь его задаром? Жаль такого добра.

– Точно, правда, родимый. Лес – вещь дорогая, дорогая, кормилец; как не жаль леса, когда он горит? Уж так его жаль, так жаль, что и сказать не можно. Как этак увидишь, что ле-

сок-от где-нибудь загорелся, так горько станет, подумаешь: «Вот растил его господь долгия лета, и стоял он, человека дожидаячись, чтоб извел на показанную богом потребу, а теперь за грехи наши – горит без пути»... Да вот неподалеку от нас, в Наумовской волости, такая Палестина лесу выгорела, подумать страшно: от Рожествина, почитай, до Толмазина, верст на тридцать выхватило. А лес-от был кондовый, дерево-то не охватишь. Загорелось от божьей воли, от молоньи, а друго дело, не знаю. Ну, дерево-то хоша и обгорело, а все-таки было годно для того, что в лесном-то пожаре только хвоя да сучья горят, а самому дереву вреда нет. Наши мужички и хотели было купить тот горелый лес, на сплав чтоб его в низовы города. И купцы приезжали, не по один раз смотрели, тоже хотели купить. За весь-от, что его погорело, два ста тысяч на монету давали, а Василий Трофимыч, что нами в ту пору заправлял, отписал к самому большому начальству, что тех денег взять мало, коли, дескать, сделать торги, так больше дадут. Требовал, видишь, родименький, Василий-от Трофимыч двадцать тысяч благодарности, а его не ублаготворили. Поэтому и прописал, чтобы лес не продавать, казне-де убытки будут. На третий год после пожару межевой наезжал, велено ему было доподлинно вымерять, много ль погорело казенного лесу, и сосчитать, сколько придется на продажу бревен, и какой толщины будут они. Ну, Палестина не малая – скоро ли ее вымеряешь? Наезжал года по два, – да все-то, кормилец, в самую рабочую пору. Поня-

тых сбивал, подводы, ну и благодарности тоже требовал, без того уж нельзя. Да окромя благодарности харчевые, да свечные, да питейные. Одних питейных что вышло! Человек-от был пьющий, народ-от с ним тоже до винца охочий; бывало, каждый божий день два либо три штофа пеннику. Ну, послал межевой план-ты, куда следует; по времени и вышло об лесе решенье: торги произвести, кто больше даст, тому его и продать. А решенье-то выслали после пожару на восьмой год; той порой лес-от подгнил, ветром его повалило, и остались одне гнилые колоды; лежат комлем вверх и новому лесу расти не дают, корни-то выворотило, землю от того всю изрыло. Не то, чтоб купить, – с казны еще стали просить, место-то бы только очистить... Так и запропало божье место: гарь теперь одна, не пролезешь. Грибы даже не растут, только и пользы, что малинику много разродилось. Место хоть совсем брось, только беглым да скрывающим скитникам жильё уготовали, а больше ничего... Так вот оно что, родненький! – промолвил дедушка, немного помолчавши. – Как можно сказать, чтоб мы не жалели лесу! Сердце кровью обольется, как завидишь лесной пожар. Думаешь: «Ну как и этот лес задаром пропадет?» Как нам не жалеть лесу, родимый? Ведь его бог не про кого, что про нас, вырастил.

– Ты сказал, дедушка, что хлеб-от у вас плохо родится. Что ж, промыслами кормитесь?

– Как же, родименький. Промыслом только и живем, издельем то есть. Хлебца-то мало, кулижек-то палить не велят,

так мы все больше около леску промышляем. Котора деревня ложки точит, котора чашки, по другим местам смолу сидят, лыко дерут, рогожи ткут: только леском и живем, родимый! Оттого-то лесок-от и люб нам, оттого-то мы его и жалеем – ведь он наш поилец, кормилец.

– За попенные лес-от берете?

– За попенные, кормилец, за попенные. Как же можно без попенных? Не велят. Да попенные что? Деньги не великие, заминки только много от них... Лесной-от тоже ведь барин, стал быть, благодарности требует. Да это бы еще ничего – без благодарности как же ему и быть, на то он лесной. А вот иные больно неподходящи бывают и на руку крепки: чуть ему слово, он тебя изобьет, как ему хочется. Станешь с ним порядком говорить, а он свое: «Разве, говорит, не знаешь, что ты весь в моих руках – застану, говорит, с топором в лесу, до смерти могу убить... Знаешь ли, говорит, что, когда лесной порубку преследует, дозволяется ему вора из ружья застрелить? Так поэтому ты, говорит, и должен ухо остро держать и меня почитать больше, чем исправника аль окружного, потому что те только спину тебе вздерут, а я, ежель захочу, до смерти могу застрелить».

Наш лесной Иван Васильич – добрый, хороший барин, а этак же иной раз нашего брата попугивает. Спервоначалу-то думали – морочит: «Как же можно ему человека застрелить», этак, знаешь, думаем. Да грамотеи из наших мужичков доподлинно в законных книжках вычитали, что лесная

стража, ежели кого преследует, может того человека убить, и смертное убийство в грех ей не вменяется. Такая статья есть, кормилец... От этого лесной нашему брату страшней всякого: другой барин, как велик ни будь, все-таки живота лишить не может, а лесному это, стал быть, можно. Правду сказать, таковых случаев не слышать, а все-таки страху много. Как же после того не убоготишь ты его? Умирать не своей смертью кому охота? Хоть, может быть, он только для острастки такие речи говорит, однако ж все дело в его руках. Ну, а как стрельнет? Тогда что?

Вот еще эти издельны билеты у нас! Таковую заминку делают, что просто не приведи господи! Что мужик ни сработает: смолы ль насидит, кадушек ли, ведер ли наделает, чашек ли наточит, – на всяко изделье, как его на продажу везти, должен у лесного билет выправить. И в тот билет на дороге всякий у тебя смотрит, ленивый разве про билет не спрашивает. И на перевозах с ним задержка, и на базаре хлопот не оберешься. А в города да на ярмонки лучше не ездят. Всякий там с тебя сорвать норовит: и городничий, и квартальный, и исправник; будочник привяжется – и будочника убоготи, не то скажет, что изделье из краденого леса: тебя после по судам и затаскают. А билет дают один, сколько мужик ни наработает товару, ему все один билет. Иной раз и повез бы изделье сам на базар, а сына на другой бы послал, да страшно: билет-от не разорвать статью, а куда без билета приехал, там скажут, что ты воровское изделье привез, и так тебя обо-

рвут, что долго будешь помнить, каково без издельного билета на базар выезжать.

Тоже вот и насчет штрафных за неуборку вершин и сучьев. Это уж выходит для нас немножко и обидно, родименький. Сам ты посуди, кому хочется штрафованным быть? Штраф-от хоть не велик, да слов-то будто обидно. Да этот же штраф лесной берет наперед, заодно с попенными, точно тому делу так и надо быть, чтобы каждый человек штрафился. Ты возьми хоть два, хоть три гривенника – за тем мы не стоим – да штрафом-то не зови, а то ведь, что там ни говори, все же выходишь ты человек нехороший, коли штраф с тебя взят. Да что еще лесной-от говорит, как придешь к нему за билетом: «Ты, говорит, вершины-то да сучья не убирай, а как от этого казенному лесу порча, так и подай за то гривенник штрафу, да подай наперед, чтоб после мне тебя не разыскивать». Оно и обидно таки речи слушать: ведь это все одно, что скажут тебе, казну-де ты обворовал. Таким делом обзывать невиноватого, кажись бы, не надо.

А куда убирать вершины да сучья – ни у нас, ни по другим волостям мест не отведено... А места наши ровные: ни гор ни оврагов верст на сотню во все стороны нет, валить-то вершины да сучья и некуда. Раз было – кучились мужики лесному, всем миром кланялись, «укажите, мол, ваше благородие, такое место». Так он поди-ка как разлютовался. «Учить, говорит, меня вздумали? Об вас же, говорит, начальство заботу принимает, нарочно штрафы учредило, чтоб вас от дела

не отрывать, а вы же, мошенники, еще неблагодарны остаетесь? Да пикни, говорит, у меня кто-нибудь хоть единое слово, не то что без промыслу – без дров, без лучины оставлю. Лишу и тепла и света на всю зиму зименскую». Да весь мир взащей. О после еще похвалялся нашему голове: «Вот, говорит, отведу я им место верст за пятьдесят, так узнают кузькину мать». Что ты станешь делать, родимый мой?

Да наш барин – добрый и смирный. Иван-от Васильич. Бога надо благодарить за такое начальство. Просто сказать – душа-человек. Другой раз и покричит, и побьет, и убить из ружья погрозится, а все же с ним говорить хоть можно – на речи охочий. И много еще милости оказывает, дай бог ему многолетнего здравия. Хоть бы насчет лажу. Ведь прежде, родименький, целковый-от четыре рубля двадцать пять копеек ходил, а потом его на три с полтиной поворотили. Теперь деньги у мужика хоть и те же, да счетом-то их стало меньше, оно будто их и не хватает. И по всем местам в нынешни времена, где ни послышишь, лаж-от везде порешился, а наш Иван Васильич, дай бог ему здоровья, до сих пор лажем милует. Попенны деньги, те на серебро берет, а насчет иных сборов, которы ему следуют: за троицки березки, за венники, грибной сбор, ореховый, за стрельбу дичины, дровяные, лучинные, харчевые, это все дай бог ему здоровья, с лажем принимает. Оно нашему брату и повыгодней... Поэтому – хоть иной раз Иван Васильич какого непослушника и поизобидит, а все ж мы довольны им остаемся: отец родной

– не барин.

За таким лесным, как Иван Васильич, дай ему бог многолетнего здравия, жить можно, и только бога надо благодарить... А вот в Липовской волости лесной-от Петр Егорыч – вот уж беда: строгий-настрогий и самый не подходящий. Слова с мужиком не молвит, глядит волком и все норовит тебя в зубы. Как ты его ни ублаготворяй, ему все мало. «Место мое, говорит, в Питере, не у вас в трущобе с волками да с медведями, так за это за самое, говорит, ты и должен меня ублаготворить. Да помни, говорит, расканалья ты этакая, что надо мной есть палата, и потому я сам под сборами нахожусь». Что с таким барином поделаешь? А нашему брату без лесу никак невозможно; лесом только и живем.

Придет к Петру Егорычу мужик за билетом, попенны принесет, ну и почести сколько следует, да коли барин на ту пору в сердцах – в карты проигрался, аль жену в город за покупками снаряжает, заломит он такую благодарность, что затылок затрещит. А как мужик заартачится, да в цене не сойдутся, Петр Егорыч ему и молвит: «приходи завтра». Завтра да завтра, да дело-то до Евдокеи-плющихи⁷ и дотянет. Придет мужик на Евдокею, он билет ему выдаст и окромя попенных, – каков есть медный грош, – не возьмет. И давать станет, еще зарычит, ровно медведь: «Я человек благородный, на подлости не пойду, мундира марать не стану. Как ты смел, говорит, мошенник этакой, взятку мне давать? Да за это, говорит,

⁷ Первое марта.

в Сибирь можешь угодить, коли я захочу». Швырнет благодарность-то, обругает, иной раз поколотит. А в билете пропишет, что выдал его не на Евдокею, а на Крещенье, либо на Спиридона-поворота⁸. Мужик, коли не был учен, сдуру-то, пожалуй, обрадуется, что дешево выправил билет, да на радостях за топор – и в лес. И только что успеет он свалить деревья, что в билете прописаны, Петр Егорыч перед ним ровно из земли вырос. Вспороть прикажет, веревками руки-ноги скрутит и велит полесовным в город его везти, – рубил-де не в урочное время. Потому, видишь ты, родименькой, с Евдокеина-то дня рубке лесу запрет, для того, что тут в соку он бывает. Ну, ладно, хорошо. Наругается досыта, ружье на мужика наставит, говорит: «Убью и отвечать не буду: черту баран готов ободран. Давай пятьдесят целковых, не то по суду больше возьмут». Есть у мужика деньги – даст, нет – под суд его. Там и распоясывайся как знаешь, да еще в тюрьме насидишься.

Попался этак ему мой внучек, деревни Жужелки крестьянин, Василий Блинников. Моя-то дочка, видишь ты, в Жужелку выдана: так Васька-то внучком мне и приходится. За-требовал с него Петр Егорыч шесть золотух; тот заупрямился, не дал. Он возьми да дело-то и зятяни за Евдокею, на Сорок мучеников⁹ билет-то выдал, а прописал, что выдан за день до Рождества. Васютка, делом не волоча, в лес: свалил

⁸ Двенадцатое декабря.

⁹ Девятое марта.

пятьдесят, никак, дерев, что в билете прописаны, да только что свалил, Петр Егорыч и шась на то самое место. Поругал, поколотил, убить погрозился, пятьдесят целковых спросил. Васька не дал; он его в город. Что ж ты думаешь, родимый? Оценили каждое бревно, по расписанию, в два целковых, да с Васютки по суду семьсот рублей на монету без лажу и взяли. Вдвое, вишь, по закону взысканье-то полагается. Что станешь делать? Мужик был справный, по всей волости немного таких было, теперь в разор разорили его. Пять лошадок держал, полная чаша, а теперь ровно бобыль какой, и коровенки-то ребятишкам на молоко даже нет. И в палату ходил к губернатору: везде сказали, что дело сделано, как быть ему следует.

Уж бранил же я Ваську и клюкой побил. «Зачем, говорю, пес ты этакой, не ублаготворил лесного шестью золотухами, зачем опять, говорю, не дал ты ему пятидесяти целковых, как он в лесу тебя накрыл?..» Да что толковать? – старого не воротишь. Да, родименькой, супротив ветру не подуешь... Вот за Васькино упрямство и покарал его господь. И сам-от разорился, и ребятишкам по миру придется идти.

Да, родименький, уж оно так и следует. На то и порядки установлены, чтобы их исполнять. Ведь они для нас же, глупых, начальством ставятся, без порядков како уж житье? А кто супротив порядков пойдет, тот отвечай спиной и мошной. Это уж так следует. Вот и внучку такие же речи я баял, да уж нечего делать. Ну как ему можно было согрубить пе-

ред Петром Егорычем?.. Ведь лесной – начальство, а по нашим местам начальство-то самое первое, для того что лесом только и дышим. А перед начальством имей голову наклонну, а сердце покорно. Начальства должно во всем слушаться, и велено за него бога молить. Как же можно было ему огорчать Петра Егорыча? И ближний человек, и болезнь утробы моей, а надо правду говорить. Что в самом деле?

И какой еще чудной Васютка-то! Чему скорбит! «Мне, говорит, не то обидно, что меня ободрали да нищим пустили, а то, что судили меня с Прошкой Малыгиным – ему особенные права дали, а меня разорили». А Прошка Малыгин, родименький, ихней же деревни мужичонка есть – вор отъявленный, давно ему место в Сибири аль в «рестанской» роте, да все только в подозрении остается. Спервоначалу-то и он был справный мужик, да хмелем зашибся, ну, а зелено на пагубу дано, к добру оно не приведет. Съякшался Прошка с кабацкими сидельцами, пропил что было у него, стал из дому таскать, да старик-отец еще жив, приостановил. Связался Прошка с ворами да с беглыми солдатами и пошел за добром через забор ходить да на большой дороге у тарантасов чемоданы резать. Маялись с ним, маялись жужельски мужики – однако ж поймали с поличным. Суд наехал – временное, значит, отделение. Проживало в деревне недели две. Дорого обошлось жужельским Прошкино дело!.. Ведь кто по суду ли наехал, всякому припасай и чаю с сахаром, и вина, и всяких харчей. В две-то недели всех куриц в Жужелке перереза-

ли, что баранов перекололи, а свиней, гусей и всякой животины не столь переели, сколь озорством разбросали. Да что тут говорить – известно дело: вор ворует – мир горюет; а вор попал – так и мир пропал. У Прошки обыск делан был: под полом много краденого нашли. Посадили Прошку в острог, сидит год, сидит другой, отъелся на острожных-то калачах – бык быком стал. На третий год Прошкино дело решили. Привели его в суд выслушивать решение, и Васютку моего туда ж пригнали. Спервоначалу Ваське решение вычитали: взять с него семьсот на монету, а после того Прошке стали вычитывать. Вычитывают Прошке такой суд: «Следовало бы тебя, деревни Жужелки вора, Прошку Малыгина, за твое великое воровство послать на житье в дальны губернии, да по статье закона замена выходит, и по этой статье следует тебя, Прошку, в «рестанску» роту на полтора года. А как-де в нашей губернии «рестанской» роты покамест еще не завели, так по этому самому случаю тебе, Прошке, по другой статье друга замена выходит: сидеть тебе, вору, в рабочем доме два года три месяца. А как в рабочем доме и без тебя, вора Прошки, много сидельцев и посадить тебя, мошенника, некуда, так по этому случаю выходит тебе по третьей статье третья замена: велено тебе, Прошке, дать восемьдесят пять розог при полиции». Прочитавши такой суд, судья спросил Прошку: «Доволен ли, говорит, решением?» А Прошка ног под собой не слышит: рад-радешенек, что заместо дальней губернии спиной ответить может. Поклонился судье в ноги:

«Много, говорит, доволен вами, по гроб жизни, говорит, не забуду вашей милости». А судья ему: «Погоди, говорит, ведь тебе, вору, грабителю, еще особенны права будут». Прошка призадумался. «Что ж, думает, спину ль вдругорядь станут драть, в остроге ль еще сидеть доведется, аль и деньги потребуются?..» А судья ему: «Перво дело, говорит, не бывать тебе сиротским опекуном; второе дело: не будут тебя в свидетели брать; третье дело: не станут на мирской сход пускать; четвертое, говорит, дело: ни в головы, ни в старшины, ни даже в сотские аль в десятские не станут тебя выбирать во всю твою жизнь». Повалился Прошка в ноги, слезами заливаётся: «Отцы мои родные, говорит, благодетели вы мои, уж коли такие есть до меня ваши милости, нельзя ли приписать, чтоб и подвод-то с меня не брали?..» Однако ж подводами Прошку не помиловали, гоняет очередь с другими наряду.

Вот на это на самое и обижается Васютка: «Как же, говорит, это так? По Прошкину делу – вор Прошка; а по моему делу – вор не я. Как же с меня семьсот целковых взяли, а ему права дали и стал он теперь счастлив на всю жизнь?» «Ты, Васька, молчи, на то порядок, и всякому свое счастье, а надо всеми бог. И ты, говорю, бога не гневи: лесного почитай, супротивничать не моги, а кому какое счастье господь на суде посылает, не тебе, сиволапому, о том рассуждать. Как ты себе ни мудри, а бог над нами, и супротив начальников ходить не велено. А такая супротивность, говорю, как твоя перед Петром Егорычем, по всему хуже Прошкина воровства»...

В это время послышался колокольчик. Тарантас подъехал к мельнице, и я простился с дедушкой Поликарпом.

– А не можешь ли ты, родименький, кулижки-то нам выхлопотать? – проговорил он, когда я садился в тарантас.

– Эх, ты!.. Еще с кулигами тут! А ты знай ковыряй свои лапотки да язык-то не больно распушай, – молвил ямщик. – Еще кулиги захотел!.. Какие уж тут кулиги!.. Ехать, что ли, ваше высокородие?

– Поезжай. Прощай, дедушка.

И лихой ямщик помчал по гладкой дороге. Встречались мужики с бочками смолы, с ведрами, кадушками, корытами и другим лесным изделием. Они торопливо сворачивали с дороги и, издали сняв шапки, низко кланялись. Ждали, что и я потребую изделияного билета.